

АКЦЕНТЫ

МНЕНИЕ

«Хочу в Советский Союз!»

Дискуссия о «советском рае» в выборный год становится особенно актуальной

Евгений Сапиро, доктор экономических наук, профессор

За последнее десятилетие эти слова я изредка слышал от знакомых пенсионеров или соседей по даче. Но накануне 2015 года в интернете появились ответы телезрителей РБК-ТВ на вопрос «Что бы вы попросили у Деда Мороза для России в новом году?». Лишь 6% пожелали отмены санкций, 7,4% — стабильного рубля, 27,3% — мира на Украине. Абсолютное большинство — 59,3% — сделало заявку на «возрождение СССР». Это был сигнал, который нельзя оставлять без внимания. Особенно с учётом предстоящих в этом году выборов.

Что есть что

Когда председатель Пермского облизполкома Виктор Петров предложил мне стать его заместителем, я спросил его: — Заместителем? По каким вопросам? — По экономической реформе, по «рынку»... И попутно по демократии.

Разговор состоялся весной 1990 года, когда жили мы ещё в Стране Советов (по паспорту — СССР). Основу советской системы составляли три подсистемы. Политическая — однопартийная, жёстко централизованная, лишённая признаков демократии. Социально-экономическая — плановая, централизованно назначающая всё: от цены атомной электростанции до объёма выпуска презервативов Баковского завода резиновых изделий. И силовая, подобно арматуре, пронизывающая систему вдоль и поперёк (сегодня речь не о ней).

Соревновалась с советской системой западная — демократическая в политике, рыночная в экономике.

На первый взгляд у плановой и рыночной экономик примерное равенство достоинств и недостатков. Плановая избавлена от безработицы, не допускает запредельного социального расслоения общества, обеспечивает достаточно высокий уровень социальных гарантий. Но этот гуманизм не уживается со здоровой конкуренцией, не стимулирует высокой эффективности производства. К тому же плановая система управления сложна, трудоёмка и неповоротлива.

Пермское двигателестроение, «Камкабел», ПНОС в своё время «стартовали» на импортном оборудовании и технологиях. А вот в Вольфсбурге на «Фольксваге-

не» или в Сиэтле на «Боинге» я не только пермского, но и советского (российского) оборудования не обнаружил.

Справедливости ради надо заметить, что березниковский титан мне продемонстрировали в Сиэтле с большим почтением.

Мы пытались догонять Запад в инновациях, в производительности труда, в качестве и рентабельности продукции, но в большинстве мирных отраслей разрыв только увеличивался. Долгое время существовала иллюзия, что наше отставание — следствие «отдельных недостатков» и следует лишь сконцентрировать ресурсы, усилить контроль, внедрить вычислительную технику и информатику, поработать с кадрами, и мы «догоним и перегоним». Концентрировали, усиливали, построили в Перми почти рядом НИИУМС и ЦНТИ, учили и поправляли (а при товарище Сталине ликвидировали) «неразумные» кадры, но не сложилось.

Лишь ближе к 1990-м годам стало ясно: все эти недостатки — системные. А не хватает нам объективных двигателей прогресса: экономической свободы, конкуренции, международного разделения труда — того, что и составляет основу рыночной экономики.

Зреющие не один десяток лет на теле российской государственности политический и экономический нарывы начали лопаться весной 1990 года. В марте была отменена шестая статья «брежневской» Конституции, закреплявшая монополию КПСС на власть. В декабре 1991 года прекратил своё существование Советский Союз. С января 1992 года уже в России началась экономическая — рыночная реформа.

Разочарования

Осуществлявшая экономическую реформу команда Егора Гайдара не обещала быстрой победы, не скрывала предстоящих трудностей. Об этом напоминало и неофициальное название преобразований — «шоковая терапия». Радость избавления от болезни №1 плановой экономики — товарного дефицита — была омрачена высочайшей инфляцией, обесцениванием вкладов населения в банках. Удовлетворение от чувства хозяина, подаренного приватизацией, гасилось несправедливостью чековых аукционов и инвестиционных конкурсов. Азартная игра государства в ценные бумаги ГКО и опустившаяся до \$12,7 среднегодовая цена барреля нефти закончились дефолтом 1998 года и новым пополнением рядов обнищавших.

Тем не менее уже в конце 1999 года благодаря ещё уцелевшему отечественному производителю и цене нефти, подросшей до \$17,7, ситуация стала улучшаться. При \$24,4 в 2001 году средний класс робко начал дегустировать зарубежные диковинки вроде хамона и камамбера и прицениваться не к подержанной, а к новой иномарке. Незадолго до этого молодой президент России Владимир Путин заявил в своём послании Федеральному собранию: «Власть в России должна работать для того, чтобы сделать в принципе

невозможным отказ от демократических свобод, а взятый экономический курс — бесповоротным».

Тогда я воспринял эти слова ещё короче: «Прощай, СССР, навсегда и без слёз».

Наступили «тучные годы». Цена барреля продолжала набирать высоту, цифры мелькали, словно на табло счётчика банкнот: \$54 (2005 год), рекордные \$111 в 2012 году. Пополнялся отряд российских долларовых миллиардеров, но кое-что доходило и до рядового труженика, отвечающего власти взаимностью при голосовании на выборах и в социологических опросах. Именно в это время я с удивлением обнаружил в интернете материалы, авторы которых призывали вернуться в СССР. Удивляло, что вновь оказаться в СССР желали люди старшего возраста, простоявшие свои советские годы в унизительных очередях за всем, начиная от туалетной бумаги и заканчивая жильём. Не менее удивительно, что в их компанию устремились сыновья и внуки, имеющие возможность прочитать в интернете подробности о сталинских репрессиях.

На фоне «прелестей» прошлого сегодняшняя жизнь, несмотря на её многочисленные трудности и недостатки, должна казаться раем. Пусть не с пятью звёздами, но не менее трёх. Почему же современный россиянин вместо «трёхзвёздного рая» предпочитает вернуться в старый «ад»?

Вопрос этот приобретает особую актуальность в преддверии выборов. Становится ясно, что тема СССР может оказаться привлекательным политическим капиталом как для «командной» публики из ЛДПР и «Родины», так и для одиночных освободителей луганских и прочих земель.

С учётом этого обстоятельства я решил вернуться к поиску ответа на вопрос о «рае и аде» годичной давности. Тем более что в первую неделю 2016 года в фейсбуке попало эмоциональное, но бессодержательное эссе с заголовком «...Ах, какая была держава!». Его поддержал и ретранслировал один из пермских блогеров, перечисливший преимущества советского строя: «...здоровые и свежие продукты; великолепный и бесплатный детский отдых и досуг; книги и журналы; абсолютная безопасность на улице; честная и оперативная милиция; бесплатное жильё; гаражи, дачи и сады; полная занятость и доступная бесплатная медицина».

Пришлось на том же фейсбуке не в самой вежливой форме усомниться в фактах и выводах земляка. Четыре дня в Сети продолжался горячий спор между сторонниками и противниками советского «ренессанса». В ходе дискуссии меня поддержали 52 «фейсбучанина», семь пожелали вернуться в СССР, девять высказались «за всё хорошее и против всего плохого».

Но интересной оказалась не арифметика, а аргументы, позволяющие найти варианты ответа на вопрос: откуда и почему в наши дни берутся сторонники советского образа жизни?

Из комментариев семи сторонников СССР и девяти «воздержавшихся» нари-

совалось несколько типичных портретов сторонников возвращения в прошлое.

1. Человек средних способностей и трудолюбия, которому советская система надёжно обеспечивала скромный, но приемлемый достаток, плавный карьерный (профессиональный) рост, обеспеченность работой (пусть далеко не всегда интересной и высокооплачиваемой). Рыночная борьба за выживаемость, риски малого бизнеса, необходимость брать на себя ответственность ему не по душе. «Капиталистическое» товарное изобилие, которое не по карману, раздражает. Богатство соседа — независимо от того, честно оно заработано или ворованное — вызывает изжогу. К тому же ему неинтересны демократические ценности — всякие там «свобода прессы» и «конкурентные выборы».

2. Бывший горячий сторонник демократии и рыночной экономики, разочарованный в результатах их «выращивания» на российских просторах.

3. Жертва «эффекта Александрова». Мои институтские друзья, а потом — челябинские атомщики, рассказывали быть или байку, что в начале 1980-х годов в узкой компании академиков-физиков возник спор: когда лучше жилось — при Сталине, Хрущёве или Брежневе. Один из руководителей советской атомной программы и президент Академии наук СССР Анатолий Александров уверенно сказал: «Конечно, при Сталине! — и добавил: — Тогда бабы были моложе!» Тоска по молодости, по разноцветным детсадовским горшкам порой бывает сильнее логики. Тем более что человеческая память лучше хранит хорошее, чем плохое.

4. Человек, жаждущий гордиться, при острой нехватке предмета гордости. В этом случае он начинает опираться на легенды, отмечая всё, что им противоречит. Чаще всего это удел тех, чьи счастливые детство и молодость пришлись на период перестройки. Они не знают истинного содержания, вкуса и запаха слов «дефицит», «фарцовка», «достать», «отоварить талоны», «невыездной», «лимитчик», «выезд на овощную базу» (на «гнильторг»). Они не вздрагивают при словах «враг народа» и даже не предполагают, что если бы исполнилась их мечта, то уже через год они бы затосковали по вдруг куда-то исчезнувшему сортам колбасы и турам «всё включено» в Турцию. Вполне вероятно, что вспоминали бы они это, сидя на лагерных нарах, на которые их привёл «слишком длинный язык».

***

Моё твердое убеждение: путь в прошлое, даже подштопанное и подкрашенное, — тупиковый. Да, сегодняшняя действительность далека от тех планов и мечтаний, которые виделись нам четверть века назад. У «среднестатистического» гражданина не так уж много возможностей приблизить реальность к тем мечтам. Но они всё же имеются.

Для этого необходимо внимательно оглядеться вокруг и решить: за кого я буду голосовать на выборах, кого буду поддерживать словом или рублём.